

Ольга Дёмина

Тайна барона

*Историческая
проза*

Ольга Дёмина

Тайна барона. Историческая проза

«Издательские решения»

Дёмина О.

Тайна барона. Историческая проза / О. Дёмина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509759-0

Княжна Елена Карамышева дебютирует в свете. На балу она знакомится с графом Петром Орловым. Граф влюблен в красавицу Елену, но отец отговаривает его жениться на молодой княжне. Дело в том, что Карамышевы разорены, отец нашел Петру другую невесту, богатую наследницу баронессу Шарлотту Штусс. Барон Андрей Вяземский также влюблен в княжну Елену, но он не может ей сделать предложение, так как женат...

ISBN 978-5-00-509759-0

© Дёмина О.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. PRINCESSE NOCTURNE	6
Глава 2. ДЕБЮТАНТКА НА БАЛУ	13
Глава 3. ВОСТОРГ ЛЮБВИ	20
Глава 4. ЖИЗНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тайна барона Историческая проза

Ольга Дёмина

© Ольга Дёмина, 2019

ISBN 978-5-0050-9759-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. PRINCESSE NOCTURNE

Эта история произошла двести лет тому назад в Санкт-Петербурге.

В ту пору были очень модны литературные салоны, которые держали влиятельные аристократки. В них собирались известные литераторы, музыканты, меценаты, художники, знаменитые путешественники и прочие ученые мужи. Влияние аристократических салонов на общественное мнение, политику и литературу было огромным, порой салоны и великосветские гостиные заменяли публике газеты и журналы. Умение держать салон было искусством.

Одним из самых популярных салонов тех лет был салон княгини Анны Юрьевны Голицыной, известной в обществе под именем *Princesse Nocturne*, княгиня полуночи. Дело в том, что княгиня не принимала гостей в своем салоне ранее десяти часов вечера. Анна Юрьевна страшно боялась ночи, так как однажды цыганка предсказала ей, что она умрет ночью. Днем Анна Юрьевна спала, а к полуночи в доме ее на Миллионной улице собирался избранный кружок ее друзей. Хозяйка салона в молодости много путешествовала по Европе и прожила несколько лет в Италии. Она была влюблена в Италию, в ее природу, итальянские пейзажи, ее пленяла история античного Рима, потому она часто принимала своих гостей в одеяниях, напоминающих картины древнего Рима. Да и вся гостиная была украшена в римском стиле.

Чтобы поддержать великосветскую беседу, в гости к Голицыной на огонек часто заезжал ее старинный приятель граф Федор Степанович Бутурлин. Граф был очень пунктуальным, не позволял себе никогда опаздывать, вот и сегодня он явился раньше всех. Хозяйка салона приветливо улыбнулась, встретив графа:

– А, это вы, мой друг! Всегда точны, по вам можно сверять часы.

– Милая Анна Юрьевна, вы так любезны, – сказал по-французски Бутурлин. – Вы же знаете, мне всегда приятно бывать в вашем доме, – граф оглянулся: – А что все остальные?

– Обещали... скоро будут... Впрочем, нам есть с вами о чем поговорить, любезный Федор Степанович.

– Всегда приятно вспоминать молодые годы. Помнится, в былые времена мы были очень падки до приключений. Помню до сих пор тот эпизод из итальянской жизни, когда вы, проказница, *ma chere*, уговорили меня отправиться с вами на гору Везувий, чтобы увидеть вблизи извержение вулкана. Тот вояж я запомнил на всю жизнь, когда вместе с ослом свалился с крутого склона. Тогда я думал, когда чудом остался жив, что «я так же глуп, как мой осел, на котором я взбирался в горы.»

– Незабываемое было время, – вздохнула Анна Юрьевна. – Теперь мы стали старше и умней...

– А главное, намного осторожней, теперь мы не рискуем зазря ради беспечных приключений.

– И все же жизнь без авантюр проходит скучно...

– Не скажите, сударыня, я вижу очень много пользы в прочтении книг...

– Всем известно, *mon cher ami*, что вы страстный почитатель книг.

– Да. Моя библиотека уже насчитывает более 40 тысяч томов.

– Неужели?!

Завсегдатаями салона Голицыной были известные литераторы Павел Дружинин, Олег Рязанцев и Михаил Вревский, они считали своим долгом посещать салон Голицыной, не пропуская ни одного приема. Являлись они, как правило, все вместе дружной компанией, уже о чем-то беседуя, часто о чем-то споря. Войдя в гостиную и поздоровавшись с хозяйкой, они продолжили увлеченно свой спор.

– Друзья мои, о чем ваш спор? – спросила Голицына. – Расскажите, нам интересно с графом будет вас послушать.

– Спор наш, уважаемая Анна Юрьевна, – сказал Дружинин, – возник из-за того, что Рязанцев стал возносить западноевропейских авторов, чересчур хваля их, и при этом умаляя достоинства русских писателей.

– Я говорил, – сказал Рязанцев, – что мы часто заимствуем те литературные приемы, которые уже разработали до нас английские и французские писатели...

– Что же тут плохого? – спросил Бутурлин. – Все народы заимствуют что-то друг у друга. Взять, к примеру, достояния античного мира, Греции и Рима, вся Европа пользуется знаниями и опытом древних греков и римлян, и ничего, совсем не стесняются, даже многие пытаются себе что-то присвоить. Впрочем, сейчас не об этом речь... Труды Гомера, Вергилия, Геродота, Сократа, Платона, Аристотеля, Плутарха изучают повсюду весь ученый мир, литераторы черпают в их трудах свое вдохновение...

– Я хочу еще добавить, – сказал Вревский, – что даже у знаменитого Шекспира сюжеты его пьес не новы. Да, он довел свои произведения до совершенства, ими восхищаются, но темы эти – любовь и ревность, предательство, измена, подлость – стары как мир.

– С этим никто не спорит, – сказал Рязанцев, – но речь не о том... Взять, к примеру, различные жанры и направления в литературе, скажем, литература просвещения, сентиментализм, романтизм, исторический роман, готический роман... Все они были изобретены в западной Европе, лишь потом они дошли до нас, и наши литераторы стали работать в этих жанрах.

– Умоляю, только не говорите о готическом романе, – попросила Голицына. – Ужасы, которые описывает в своих романах Анна Радклиф, меня просто пугают.

– К слову сказать, готический роман в России не прижился, – заметил Вревский. – Значит, не все мы берем с Запада...

– Готический роман развивался в основном в англоязычной литературе, – подытожил Дружинин.

– Согласен, – сказал Рязанцев. – Но тут же замечу, что мы уступаем английским и французским авторам в том, что у нас практически нет женщин-писательниц, тогда как в Англии есть такие блестящие имена, как Джейн Остин и Мария Эджуорт, во Франции – мадам де Сталь. Наши женщины слишком не свободны, над ними довлеет диктат семьи и мужа, куда им до литературы, знания им ни к чему...

– Постой, Олег! – сказал Вревский. – Нельзя же так все обобщать. Наши женщины не менее образованны, чем дамы в западной Европе, а зачастую даже наши дворянки намного образованней и просвещенней, чем их сверстницы в европейских странах.

– С этим мнением я согласен, – сказал Бутурлин. – У нас дамы получают блестящее образование...

– Но не все же! – перебил Рязанцев своего собеседника. Олег Рязанцев из-за своего вечного упрямства не хотел уступать в споре никому, даже очень влиятельному аристократу, коим был граф Бутурлин.

Дружинин, зная дурную привычку своего приятеля настоять в споре, попытался сгладить ситуацию:

– Олег, не горячись, прислушайся к мнению графа, он старше нас и он прав, тут я с ним полностью согласен, наши аристократки ни в чем не уступают никому. Что касается женщин-писательниц России, то тут я назову имя Марии Извековой, она пишет стихи и романы. Мне лично по душе пришелся ее новый роман «Эмилия, или печальные последствия безрассудной любви».

– Мария Извекова из-за молодых лет еще довольно слабая романистка, – сказал Рязанцев.

– Олег, но ты не будешь отрицать того факта, что в России женщины-писательницы все же есть, – с улыбкой проговорил Вревский.

Рязанцев улыбнулся и примирительно произнес:

– Все сдаюсь, вы меня уговорили, черти...

Далее разговор велся в более мирном русле. Говорили о том, что в русской литературе женские образы невыразительны, наши писатели «почтительно обходят женщин и пишут рассказы без героинь, или выводят на сцену какое-нибудь бледное, забитое существо...» С этим согласились почти все участники разговора. Правда, Павел Дружинин тут же заметил:

– Не лучше обстоят дела с образами героинь и в западноевропейской литературе. Требования нашего века относительно женщин – странны, неопределенны и сбивчивы. В сочинениях лучших писателей и самых плохих бумагомарателей напрасно станем мы искать ответа на вопрос: «Чем должна быть женщина в наше время?»

– Тут я с тобой соглашусь, приятель, – сказал Михаил Вревский. – Лучшие европейские таланты пасуют или селятся нарисовать нам ряд невероятных женских фигур, поместив их вне места и времени. Отцы наши восхищались яркой и неповторимой Клариссой из одноименного романа английского писателя Ричардсона и Юлией, героинею романа Жан-Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», и то были идеалы, сообразные со своим веком. А для девятнадцатого века нет еще ни своей Клариссы, ни своей Юлии.

Княгиня Голицына не участвовала в этом разговоре, потому что принимала новых гостей. Потихоньку гостиная наполнялась. Прибыла княгиня Карамышева с дочерью Еленой, затем пожаловала графиня Бельская с дочкой Машей. Затем подъехал сенатор Юрский, за ним вошел в гостиную граф Сокольский. Но все ждали знаменитого итальянского художника Антонио Висконти, недавно приехавшего в столицу.

Женщины не сильно прислушивались к умным речам гостей, у них были дела поважней, чем литература и искусство. У Бельской и Карамышевой дочери были на выданье. Графиня Екатерина Алексеевна Бельская была очень обеспокоена тем, что ее дочь Машенька не отличалась красотой, потому она с завистью смотрела на хорошенькую Елену Карамышеву, думая о том, что для юной княжны Елены не составит труда найти себе хорошего жениха. Повздыхав о трудной участи матери девицы на выданье, графиня Бельская, обожавшая всевозможные сплетни, обрушила на свою собеседницу княгиню Карамышеву целый ворох сплетен и новостей. Вначале она сообщила о забавном случае, который произошел на балу у княгини Дарьи Васильевны Воронцовой.

– Дорогая Елизавета Петровна, представьте себе такую несуразную картину, – сказала собеседнице Бельская. – Старая графиня Милевская, дама почтенных лет, устала на балу от суеты и громкой музыки и вдруг уснула на балу, забравшись с ногами в кресло, подоткнув под себя юбки.

– Что вы говорите, Екатерина Алексеевна?! – воскликнула Карамышева. – Какой пассаж!

– Вот именно! – многозначительно улыбнулась Бельская. – Завидев сию картину, мирно посапывающую в кресле Милевскую, хозяйка бала княгиня Воронцова тут же кинулась к ней, чтобы разбудить. Тут же обступили Милевскую и другие дамы, чтобы скрыть ее от глаз мужчин. Графиня Милевская, проснувшись, очень удивилась, что она находится на балу в бальной зале, она думала, что мирно поживает у себя дома в своей постели.

– Надо же, какой конфуз вышел!

– Да. Такой смешной случай. Впрочем, думаю, на ее репутации это никак не отразится. В ее летах ей это ничем не грозит, ей же не выходить замуж, как нашим дочерям. Им-то надлежит подать себя в высшем свете надлежащим образом, чтобы произвести благоприятное впечатление.

– И не говорите, дорогая Екатерина Алексеевна! Я сама вся дрожу, у Елены скоро первый выход в свет, первый бал. Она нервничает, и я с ней заодно.

Княгиня Карамышева посмотрела на свою дочь Елену, которая вместе с Машенькой сидела за чайным столом. Бравый военный в гусарском мундире ухаживал за ними, разливая чай по чашкам. Видно было, что они о чем-то приятно беседовали, девушки улыбались на учтивые речи гусара. Елена вела себя довольно скованно, она еще робела, она только начала

выходить в свет. Княгиня приветливо улыбнулась дочери, чтобы ее поддержать, Елена с благодарностью посмотрела на мать.

– А еще вы слышали такую историю, которая приключилась с дворянкой Марией Синицыной, которую похитил купец Василий Твердохлебов, они тайно повенчались в церкви, – сказала Бельская.

– Я еще не слышала об этом, – сказала Карамышева.

– Эта история произошла в Тульской губернии. Представьте себе, голубушка Екатерина Алексеевна, какой мезальянс! Она дворянка, а он простой купец, правда, из очень обеспеченной семьи. Но все равно! Родители невесты были против, хотели увезти Марию за границу, но Василий так был влюблен в Марию и так был настроен решительно, что похитил невесту и отвез ее сразу в церковь, там уже подкупленный священник их тут же обвенчал. Говорят, молодые очень счастливы...

– Неужто невеста тоже была влюблена в жениха?

– Представьте себе! И не побоялась того, что теперь она навсегда лишится дворянского звания, выйдя замуж за купца.

– Что делать?! Сила любви огромна! – философски изрекла княгиня Карамышева. – Пути Господни неисповедимы.

– Но все же, какой скандал! Какая неприятность для родителей невесты. Согласитесь, что купец, даже если он из богатой семьи, не лучшая партия для дворянки.

– Тут я с вами полностью соглашусь, Екатерина Алексеевна, – сказала Карамышева.

– Я к чему говорю, что надо за своими дочерьми-невестами хорошо приглядывать, чтобы, не дай бог, какой-нибудь наглец не похитил невесту... – но тут Бельская осеклась на полуслове. В гостиную вошел известный итальянский художник Антонио Висконти, он приковал к себе внимание всех гостей.

Завидев хозяйку салона, итальянец подобострастно улыбнулся, он сделал комплимент Голицыной, что «она прекрасна! И она самая обворожительная женщина, которую ему довелось видеть в жизни!» и тут же вызвался нарисовать ее портрет. Анна Юрьевна была польщена таким вниманием к своей персоне. Она была очень хороша в молодости, и даже теперь в свои сорок с лишним лет не утратила своей красоты. Портрет решено было начать на следующий день, ну а пока Голицына знакомила художника со своими гостями. Итальянец был учтив со всеми, стараясь произвести хорошее впечатление. Наблюдая за ним, сенатор Юрский заметил своему собеседнику Сокольскому:

– Смотрите, какой этот итальянец франт! Как он старается всем понравиться, особенно княгине Голицыной. Наверное, рассчитывает получить за работу над ее портретом немалый куш.

– Что делать? – сказал граф Сокольский. – Для художника – живопись его хлеб, не только призвание.

– Я, впрочем, не возражаю, – заметил Юрский. – Но к чему так расшаркиваться. Он знаменит, его картины прекрасно продаются...

– Дурная слава может повредить его репутации, он не хочет прослыть невежей в приличном обществе...

– Вечно вы, граф, всех защищаете! – вспыхнул Юрский.

– Просто я пытаюсь говорить очевидные вещи... – сказал Сокольский и направился к княгине Карамышевой, которая была его давнишней приятельницей.

Юрский же направился к графу Бутурлину, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. Сенатор Юрский, в этот вечер, направляясь в салон княгини Голицыной, был уверен, что застанет здесь Бутурлина, у него к графу был очень важный разговор. Остановившись рядом с графом, Юрский учтиво выжидал, пока Бутурлин закончит разговор с молодым историком Василием Михайловым, вернувшимся только что из Италии. Дело в том, что у сена-

тора Юрского возникли проблемы, когда стало известно о некоторых махинациях, которые он совершил на службе. Об этом стало известно государю Александру, император был крайне недоволен службой Юрского, и вот теперь сенатор искал себе покровителя, кто бы замолвил словечко за него перед государем-императором. Граф Бутурлин с вниманием выслушал пока-янную просьбу Юрского и сказал, что попробует ему помочь, после разговора с Бутурлиным Юрский с легким сердцем покинул салон мадам Голицыной.

В дверях Юрский столкнулся с молодым графом Петром Орловым. Сенатор не мог пройти спокойно, чтобы не вставить шпильку, он тут же иронично заметил молодому человеку:

– Что же вы опаздываете так, сударь? Вечер уже подходит к концу!

Орлов, не моргнув глазом, соврал, что «у него были очень важные дела», и проследовал в зал. На самом деле Петр Орлов опоздал, потому что ему ужасно не хотелось сегодня идти на скучный (как он считал) вечер в салон мадам Голицыной, он терпеть не мог умные разгла-гольствования о литературе и об искусстве и прочих науках, длинные разговоры его утомляли. Приятели звали Орлова с собой на хмельную пирушку, но Орлов все же решил появиться в салоне, так сказать, под занавес, чтобы соблюсти приличия и сразу удалиться. Но увидев княжну Елену Карамышеву, граф Петр Орлов тут же пожалел, что сегодня пришел так поздно. Молодой граф был ослеплен ее красотой, можно сказать, он был сражен, он влюбился в Елену как мальчишка. К сожалению, вечер уже подходил к концу, и поговорить с княжной у Петра не получилось, она с матерью уже покидала дом княгини Голицыной. Петр Орлов проводил Елену восторженным взглядом, это сразу же заметила графиня Бельская, она недовольно под-жала свои губы, граф лишь мельком взглянул в сторону ее дочери, не удостоив Машеньку своим вниманием.

Когда Бельские возвращались уже домой, в карете графиня дала волю своим чувствам, она высказала свое недовольство поведением Орлова.

– Надо же, какая бестактность со стороны молодого графа Орлова, – сказала старая гра-финя.

– Не понимаю, маменька... О чем ты говоришь? – спросила Маша.

– Как же! Я говорю о графе Петре Орлове! Мало того, что он опоздал, приехал поздно, так он еще беспардонно пялился на княжну Елену.

– Что с того!

– Но как же, Машенька, как ты не понимаешь? – не унималась графиня Бельская. – Он почти не глянул в твою сторону, а все таращился во все глаза на княжну.

– Елена – красавица... – унылым тоном сказала Маша. – Ясно, что все мужчины будут смотреть с восхищением ей вслед. И гусар ухаживал за ней весь вечер, меня он будто не заме-чал.

– Вот видишь, доченька, вот о чем я говорю...

– Но что поделаешь, маман, не всем же быть красавицам, как Елена Карамышева. Она, наверное, и замуж скоро выйдет и счастлива будет в браке, а я... что я?... просто не хочется остаться в старых девах, – со вздохом сказала Маша Бельская. Она, конечно, завидовала Елене, но признаваться в этом не хотела даже своей матери. Но старая графиня поняла свою дочь, она решила ее поддержать:

– Не отчаивайся, Машенька. И для тебя сыщется жених. А что Елена красавица, так с лица воды не пить! Неизвестно, у кого как жизнь сложится, может, ты будешь в тысячу раз счастливее Елены.

– Ой ли, маменька?

– Ну, конечно, мой ангел! Ты у меня такая умница, такая хозяйственная, заботливая, да любой мужчина будет рад иметь такую жену.

– Вы думаете, маменька? – спросила Маша с надеждой в голосе, девушка воспрянула духом.

– Ну, конечно, милая!

– А как же граф Петр Орлов? Он мне понравился, у него такие тонкие черты лица и серые глаза, он очень красивый, умеет себя подать...

– Что толку в том?! Машенька, ты лучше обрати внимание на более достойную кандидатуру.

– На кого же?

– На Василия Михайлова, молодого ученого, с которым беседовал граф Бутурлин. Михайлов только что вернулся из-за границы, он получил блестящее образование, получил уже чин титулярного советника, его ждет блестящее будущее, он усерден и не будет отлынивать от службы, как граф Орлов. За таким человеком, Машенька, ты будешь как за каменной стеной.

– Михайлов совсем не хорош собой... Он не высокого роста, подслеповат, он носит очки...

– Ну и что?! Внешность для мужчины не главное...

– А как же граф Орлов?

– Забудь о нем! Он щеголь, франт, он тебе не пара. Орлов не сделает тебя счастливой, даже, если вдруг случилось бы чудо, и вы поженились...

– Откуда вы знаете, маменька? – спросила Маша.

– Доченька, я старше и умней тебя, я лучше разбираюсь в людях! – настаивала на своем старая графиня. Она была вдохновлена своим открытием, что почти нашла выгодную партию для дочери. Графиня Екатерина Алексеевна Бельская уже обдумывала план, как обустроить это дело, с кем лучше переговорить, и как поболее все разузнать о Михайлове, возможно, в скором времени могущим стать ее зятем. Эта тема полностью поглотила ее внимание, в своих мечтах Бельская уже представляла, как ее любимая дочь Машенька идет под венец под руку с Василием Михайловым, собравшиеся в церкви гости радостно приветствуют молодых, а стоящие в сторонке княгиня Карамышева с дочерью Еленой завистливо смотрят на счастливую невесту, от представляемой картины на глаза Екатерины Алексеевны наворачивались слезы умиления.

Покинув салон мадам Голицыной, граф Петр Орлов направился на шумную вечеринку, которую устраивали его друзья Александр Ветров и Григорий Лаврушин. Веселье было в самом разгаре, когда он появился, здесь было полно его знакомых, вино лилось рекой, было шумно и весело, дым стоял коромыслом. Здесь в компании друзей за бокалом вина Орлов чувствовал себя в своей тарелке, здесь не надо было корчить из себя важного господина, вести ненужные разговоры, в общем, весь тот бред, который обычно слышался в литературном салоне, главное было вовремя произнести удачный тост и осушить бокал. Здесь было все просто и понятно, не скучно, а весело и непринужденно. Говорили все больше про женщин, рассказывали анекдоты, друзья хвастались своими похождениями на амурном фронте. Лаврушин пел задушевные романсы, аккомпанируя себе на гитаре, некоторые подпевали ему, явно фальшивя, но никто этого не замечал, главное было настроение – веселое беззаботное, какое бывает лишь в молодые годы. Петр Орлов был душой компании, он был щедрым, общительным, умел и хотел нравиться людям, вел себя он раскрепощенно, чело его ничем не омрачалось, счастливое детство и беззаботная юность не наложили еще отпечатка грусти на его душу, жизнь воспринималась им как некий дар. В его движениях, в походке, манере держаться чувствовалась легкость, не омраченная горестями переживаний от тяжелых жизненных испытаний, которые так омрачают душу человека и делают порой даже жизнерадостного от природы человека злым и меланхоличным.

Домой Орлов появился под утро, усталый и изрядно пьян. Единственным желанием Петра было лечь спать, но отец видно поджидал его. Завидев сына, старый граф Иван Сергеевич

Орлов, позвал сына в кабинет для важного разговора. Петр, мысленно чертыхаясь, вошел в кабинет за отцом. Хмуро глянув на сына, Иван Сергеевич сказал с недовольным видом:

– Эка от тебя разит вином. Что ж ты набрался так, сынок?

– Так был повод, отец... – уклончиво ответил Петр.

Иван Сергеевич с минуту помолчал, собираясь с мыслями, не зная, как начать разговор, Петр ожидал, его клонило в сон, чтобы не заснуть, Петр облокотился рукой на ручку кресла и с ленивым видом взирал на отца.

Старый граф взял письмо с письменного стола и протянул его сыну со словами:

– На-ка, прочитай!

– Что это? – спросил Петр, он мельком глянул на письмо, но текст расплывался у него перед глазами.

– Письмо из нашего имения, управляющий сообщает, что дела в имении пришли в упадок, и надо что-то срочно предпринять...

– Папа, а с этим нельзя подождать до утра! – недовольно произнес Петр.

– Так уже утро, сын! Светает... В деревне в эту пору уже встают...

– Так-то мужики!... а дворяне встают поздно, в Петербурге вообще встают только к полудню...

– Да знаю я распорядок дня дворян! – вспыхнул старый граф. – Что это ты меня вдруг учить вздумал?! Говорю же, сын, беда у нас, мы почти разорены!.. Надо что-то срочно предпринять. Управляющий, прохвост, мошенник этакий, запустил дела, а, может, и того похуже, проворовался, а теперь пишет мне в письме, что дела пришли в упадок...

– Мы разорены? – сказал удрученно Петр и уставился на отца. Эта новость огорошила Петра, он трезвел прямо на глазах. – Но что же делать отец? Так не должно быть... Без денег мне трудно станет выезжать в свет, вести прежнюю жизнь, как я привык...

– Ну что ж, Петр, придется тебе и нам всем, всей семье, отказаться от многих вещей, вести более скромный образ жизни...

– Отец, но как же так?! Сплетни о том, что мы разорены, тут же расползутся по городу, в свете станут судачить об этом, склонять наше имя, найдутся даже такие, которые перестанут принимать в своих домах, а за спиной моей будут шептаться, что мы бедны... Надо что-то делать, отец! Немедля что-то делать! – воскликнул Петр, лицо его было встревоженным, глаза горели. Он решительно заходил по кабинету из угла в угол. – Надо поехать в имение, разобраться с управляющим, если нужно, выгнать его вон, навести порядок в имении... Этого оставлять так нельзя!

– Так ты б поехал, Петр, и разобрался, – предложил старый граф.

– Я?! – удивился Петр. – Почему я?

– Так ты тоже хозяин! Стар я уже стал, вести эти дела, а ты бы с молодецкой удалью взялся и навел порядок в имении...

– Нет, я не могу, – возразил Петр, – сейчас самый разгар сезона, мне не резон покидать столицу...

– Ладно, иди спать, – вздохнул Иван Сергеевич, – с тобой сейчас все равно каши не сваришь... Иди лучше выспись...

– Это ты прав, отец, – тут же согласился Петр, – мне сейчас лучше всего выспаться...

Как только Петр лег в постель, он тут же заснул, забыв обо всех проблемах. Наутро он даже не вспомнил о разговоре с отцом...

Глава 2. ДЕБЮТАНТКА НА БАЛУ

Княжне Елене Карамышевой недавно исполнилось семнадцать лет. Она с замиранием сердца ожидала своего первого бала, к которому они с матушкой очень серьезно готовились. Уже были приготовлены дорогие платья, сшитые по последней парижской моде, подобраны в тон к платью атласные туфли, из фамильных драгоценностей выбраны самые лучшие украшения. Карамышевы были приглашены на рождественский бал во дворец Волконских. Балы во дворце Волконских были одними из самых пышных в Санкт-Петербурге. Здесь всегда было оченьлюдно, на балу приглашенных собиралось до несколько тысяч человек. Ожидался даже визит монаршей особы.

Накануне бала Елена страшно нервничала, она бегала по дому, беспрестанно раздавая поручения своим горничным. Ей казалось, что они не успеют с приготовлениями, и тогда, о, ужас, они опоздают на бал. Маменька тихо посмеивалась, наблюдая за хлопотами дочери. И вот, наконец, все было готово, они выехали из дома. Бледная и взволнованная Елена ехала в карете, укутавшись в соболиный салоп на атласной подкладке, представляя, как она вот сейчас поднимется по парадной лестнице и войдет в бальную залу. Все просто ахнут, увидев ее, и среди присутствующих пробежит волна одобрения. А еще юная девушка мечтала о том, что сегодня непременно встретит своего суженого. Избранник ее, конечно же, будет самым красивым и самым лучшим кавалером на балу. И он обязательно ее пригласит на танец. О, как Елене хотелось танцевать! Она готова была танцевать до утра. Она была мастерицей танцевать, недаром учитель танцев потратил столько времени, изучая ее модным па. Елена закрыла глаза, представляя себе эту волнующую картину, но тут карета накренилась, и от резкого толчка барышня очнулась от своих грез. Она открыла глаза и спросила капризным голосом: «Матушка, что случилось? Почему мы не едем? Мы же опоздаем на бал!» – «А вот сейчас я узнаю», – ответила старая княгиня. Елизавета Петровна высунулась из окошка и спросила у кучера:

– Эй, голубчик, почему заминка?! Что случилось?

– Так это... того... барыня... колесо отвалилось, – сбивчиво ответил кучер, чувствуя свою вину, от досады и растерянности он мял шапку в руках.

– Так почини! Чего стоишь, как истукан! – приказала барыня. Она откинулась на подушки и грустно посмотрела на дочь:

– Надо же, какая оказия приключилась, колесо отвалилось.

– Маменька, так вы приказали, чтобы починили поскорей!

– Ну, конечно, моя дорогая.

– Неужели мы опоздаем? – тихо спросила девушка и посмотрела на мать совершенно растерянным видом. – Ведь починка кареты займет много времени. Мы приедем, а все уже будут разъезжаться по домам. Ах, какая досада! Ну почему так случилось, мама, именно со мной? В мой первый бал?..

Княгиня ласково посмотрела на дочь, погладила ее по голове и поправила непослушный локон, выбившийся из-под капора:

– Не волнуйся, Леночка, все наладится. Сейчас карету починят и мы скоро будем на месте.

– Матушка, как вы не понимаете, сейчас разберут всех кавалеров, а мне не с кем будет танцевать, и я весь вечер простою одна...

– Нет, милая, что ты! Ты никогда не будешь одна, ты у меня такая красавица, – успокаивала княгиня свою дочь, а сама подумала: «Надо же, какая неприятность приключилась. Дурная примета!»

Прошло полчаса, княгиня снова выглянула в окошко и поинтересовалась у кучера, когда будет готова карета. Голос у Елизаветы Петровны был строг и взволнован, когда она отчитывала за нерасторопность слугу. Кучер начал оправдываться, сетуя на то, что уж больно поломка серьезная, не только колесо отвалилось, но, кажется, и сломана ось. «Этого еще не хватало!» – в сердцах произнесла княгиня. В эту минуту мимо кареты проезжал экипаж, из него выпрыгнул мужчина и обратился к княгине:

– Что случилось, сударыня? У вас поломка?

– Да! Карета сломалась. Такая досада, мы с дочерью ехали на бал. Вот уже полчаса на морозе стоим, продрогли все. Кучер говорит серьезная поломка, ось, что ли, сломана, да колесо отвалилось.

– Давайте я вас подвезу в своем экипаже, – предложил незнакомец.

– Да уж, батюшка, сделайте одолжение, подвезите нас.

Когда Елена с матерью уже ехали в экипаже, незнакомец спросил:

– Куда вас подвезти, сударыни?

– Ко дворцу Волконских, там нынче бал дают, не слыхали... – сказала княгиня.

– Как же, слыхал, – ответил незнакомец.

– Вы также приглашены на бал? – поинтересовалась княгиня.

– Нет. Впрочем, я и не жалею об этом. Знаете, очень много дел.

– Очень жаль, – искренне произнесла Елизавета Петровна. – Всегда приятно на балу поговорить с интересным человеком...

– На бал ездят потанцевать, – иронично улыбнулся незнакомец. – А поговорить можно и в гостиных и в литературных салонах...

– Согласна с вами, батюшка, полностью согласна.

– К слову сказать, женщины очень любят балы и театры, а лучше бы домашним хозяйством занимались, например, рукоделием, – нравоучительным тоном заметил мужчина.

– Так а где же молодой барышне с женихом познакомиться, как не на балу или в театре? – спросила княгиня.

– Тут я с вами согласен, сударыня...

Елена не вступала в разговор, наблюдая со стороны за незнакомым мужчиной, вызвавшимся подвезти их во дворец. И хотя в темноте не видно было лица, он страшно не понравился Елене, и хотя она искренне была признательна незнакомцу, что он вызвался их подвезти, в душе она радовалась, что он не будет на балу, потому что показался девушке старым и угрюмым, всем недовольным брюзгой.

– Простите, я не представился, – сказал незнакомец. – Барон Андрей Вяземский! А вас как зовут, сударыни?

– Княгиня Елизавета Петровна Карамышева с дочерью Еленой.

– Очень приятно!

– Мне тоже, сударь!

Когда они подъехали ко дворцу, барон, не дожидаясь, пока подойдет дворцовый лакей, резво выпрыгнул из экипажа и помог дамам выйти из экипажа. На прощание он сильно сжал руку Елены.

– Мне приятно было с вами познакомиться, – сказал мужчина, пристально глядя на девушку. Елена смутилась от его пристального взгляда и тихонько произнесла, потупив взор:

– Мне тоже, сударь... приятно было познакомиться...

Поднимаясь по мраморной лестнице из вестибюля на второй этаж, Елена думала об этом странном случае, произошедшем с ней. Еще она думала о том, что барон не такой уже и старый, как почему-то ей показалось вначале. У него было приветливое лицо, живые карие глаза.

Единственное, что придавало ему лет, была борода. Совсем не модная нынче борода. В начале XIX века мужчины предпочитали гладко выбритые лица, оставляя только бакенбарды.

Когда Елена с матерью вошли в парадный зал, перед их взором предстало блестящее общество. Дамы в дорогих платьях и изысканных прическах, кавалеры в парадных мундирах. Музыканты играли вальс, пары кружили по паркету. Княгиня повела дочь к своей подруге графине Екатерине Алексеевне Бельской, ее дочь Машенька также была дебютанткой на этом балу. Машенька кружилась в вихре танца с симпатичным кавалером в штатском, завидев подругу, она приветливо ей улыбнулась. Елена стояла возле матери в нервном ожидании. Вот к ней подошел военный в мундире уланского полка и пригласил на танец, и они закружили среди других танцующих пар. В эту минуту Елена не думала ни о чем, кроме танца. Она плавно скользила по паркету, движения ее были легки и грациозны, она приветливо улыбалась партнеру сквозь полупущенные ресницы. Кавалер с восхищением смотрел на свою даму, бережно обнимая ее за талию. В белом муслиновом платье Елена была очень хороша. Изящная жемчужная фероньерка украшала ее высокую греческую прическу, кокетливо ниспадая на лоб. Елена пленяла взор мужчин своей юностью и редкой красотой. От отца унаследовав титул, от матери она унаследовала ангельское выражение лица, алебастровую белизну кожи, зеленые глаза и каскад золотых волос. Выйдя в свет она сразу же затмила многих красавиц. На первом же балу Елена произвела фурор своей красотой и грацией, манерами и умением танцевать, многие кавалеры и модники ухаживали за ней и приглашали на танец. Елена была признана королевой бала и отныне за ней закрепилось имя Елена Прекрасная. Мать княжны Елизавета Петровна Карамышева с некоторой опаской восприняла такой успех дочери в свете.

– Однако, ваша дочь, дорогая Елизавета Петровна, сегодня в фаворе! – заметила своей подруге с некоторой досадой в голосе графиня Бельская. Ее дочь Машенька не отличалась такой безупречной красотой, как Елена.

– Сама вижу, – ответила почему-то невесело Карамышева.

– Али вы не рады сему? Надо же, такой успех на первом балу у дебютантки. Многие барышни и замужние дамы просто мечтают блистать в свете. Теперь ваша Елена просто завидная невеста, многие захотят жениться на ней, у вас будет выбор. А моя Машенька сегодня слишком бледная, наверное, переволновалась перед балом.

– Что вы, милая Екатерина Алексеевна, ваша дочь сегодня прекрасно выглядит. Какое чудное платье на ней!

– Правда?! Вам понравилось? – оживилась графиня Бельская. Это платье шила лучшая модистка города, француженка, кажется. Мы с отцом денег не пожалели на наряд дочери. Ткань очень дорогая, не обычный муслин, а особенный какой-то, сделанный из шелковых нитей. И фасон наимоднейший, элегантно подчеркивает фигуру.

– Платье просто восхитительное, и прическа красивая. Машенька просто чудо, – сказала Карамышева, чтобы сделать приятное своей подруге.

– Но все-таки, знаете, я нынешнюю моду не одобряю, – сказала графиня Бельская. – Муслин – ткань очень тонкая, полупрозрачная. Опять же, плечи и руки оголены, а перчатки не согреют, а зимой во дворцах царят сквозняки, так, глядишь, можно простудиться. Вы слышали, Елизавета Петровна, что юная барышня Варя Барина в прошлом году простудилась на балу, слегла и вскорости умерла от воспаления легких.

– Что вы говорите?! – ужаснулась Карамышева. – Надо же! Сколько же ей было лет?

– Шестнадцать только исполнилось. Матушка ее в горе. А модистка наша, француженка Софи, говорит, что у них во Франции тоже уже было несколько таких печальных случаев, мадемуазель Луиза простудилась на балу и умерла через неделю после бала в прошлом году, а в позапрошлом году слегла в постель с пневмонией мадемуазель Элен. Такой же случай при-

ключился и с мадемуазель Жерменой, но, слава Богу, она вскорости поправилась. Но представьте себе, как переволновались ее родители!

– Я себе представляю! Но что же делать! Мода диктует свои условия. Нельзя же отставать от моды.

– Нельзя! Слава Богу, в моду вошли кашемировые шали, в них можно укутать свои плечи, чтобы не озябнуть.

– Правда?! Я не слышала об этом, – изумилась Карамышева. – Откуда вы знаете об этом, Екатерина Алексеевна?

– От своей подруги Веры Паниной, она живет в Париже, мы ведем переписку. Знаете, – улыбнулась графиня Бельская, – что удумали парижские модницы?

– Нет!

– Француженки перед балом слегка смачивают муслин, чтобы платье более подчеркивало фигуру. Вот так!

– Какая хитрость, надо же!

– Да! На что только женщина не пойдет, чтобы понравиться мужчине.

– И не говорите, Екатерина Алексеевна.

– А вы, голубушка Елизавета Петровна, где купили такую красивую жемчужную фероньерку, которая украшает прическу вашей дочери? – поинтересовалась Бельская.

– Это подарок к первому балу крестной Елены княгини Голицыной.

– О, княгиня Голицына знает толк в этих вещах! Говорят, у нее множество украшений с драгоценными камнями и жемчугами. Голицына очень богата, она может себе позволить все что угодно, и драгоценности, и картины великих мастеров, и северский фарфор, и дорогие кареты, запряженные шестериком породистых лошадей.

– Да... Вот недавно вернулась из Европы, путешествовала по городам Италии. Говорит, там замечательная архитектура и скульптура. Сохранились даже памятники античного мира. Княгиня Голицына побывала даже на развалинах древних городов античного Рима.

– Знаете, я как-то к памятникам равнодушна, – сказала графиня Бельская. – И Европа меня не слишком манит. Путешествие – дело хлопотное, отнимает много времени, а хозяйством-то надо управлять, дом вести, за управляющими в имениях тоже глаз нужен. Того гляди, стащат что-нибудь, не досчитаешься потом.

– И не говорите, голубушка Екатерина Алексеевна.

Тут к женщинам подошел не молодой уже мужчина граф Григорий Иванович Сокольский, старый приятель княгини Карамышевой. Он вежливо поклонился дамам и поздоровался.

– Что же вы молчите, дорогая Елизавета Петровна, что с вами по дороге приключилась такая оказия? – спросил граф.

– О чем это вы, граф? – заинтересовалась Бельская.

– Знаете, графиня Екатерина Алексеевна, что Карамышевы сегодня приехали на бал в экипаже барона Вяземского.

– Правда?! – удивилась Бельская. – Говорят, Андрей Вяземский завидный жених, очень богат, имеет влияние в обществе, вхож при дворе, сам государь Александр дает ему поручения. Вот недавно барон вернулся с Урала, он полгода находился там с инспекционной поездкой, проверял работу рудников и металлургических заводов.

– Надо же! Я не знала об этом, – сказала Карамышева. – Одно могу сказать, что человек он обходительный и в высшей степени порядочный. Когда у нас сегодня сломалась карета, он вызвался нас с дочерью доставить во дворец.

– Очень благородно с его стороны! – сказал Сокольский.

– Да, это его характеризует с лучшей стороны. Но только знаете, дорогая Елизавета Петровна, я бы на вашем месте не стала бы так доверять барону.

– Отчего же?

– Вокруг него ходит дурная слава! Говорят, что он дурно поступил со своей первой женой, вот она и убежала от него.

– Так он женат? – отчего-то огорчилась Карамышева. Княгиня не прочь была иметь барона своим зятем, особенно теперь, когда она узнала, что он богат.

– Не знаю точно, развелся он или нет. Но его молодая жена сбежала от него и живет теперь в Европе. Значит, барон не так хорош, как кажется на первый взгляд, да и в свете ходят разные слухи на его счет. Говорят, он горяч, своенравен, может сказать в лицо собеседнику все, что думает... В свете просто так говорить не будут, значит, водятся за ним грешки...

– Глупости все это! – сказал Сокольский. – Андрей хороший человек, я знал его еще ребенком. Мы были дружны с его отцом.

– Не всегда дети наследуют характер своих родителей, – философски заметила Бельская. Иногда дурная натура дает о себе знать...

Граф замолчал, видя, что спорить с Бельской бесполезно. Он откланялся и направился в игровой зал, чтобы сыграть в вист.

Третий танец Елена танцевала с графом Петром Орловым. Он взирал на юную деву с обожанием, признавшись ей, что влюблен в нее с первого взгляда. Елена тоже чувствовала к Петру симпатию. Они о чем-то весело болтали, как все молодые люди не слишком придавая значения словам. Главное было сиюминутное настроение, а не философия жизни. Юная княжна была счастлива от того, что чувствует, что влюбляется в своего кавалера, весьма достойного претендента на ее руку и сердце. «Как жаль, что на балу нельзя танцевать с одним кавалером, – думала про себя Елена, – я бы весь вечер танцевала с Петром. Другого кавалера мне и не надо!» Словно догадываясь о ее мыслях, молодой граф трепетно обнимал ее за талию. В перерыве между танцами Елена с подругой Зинаидой Локтевой прогуливались по анфиладе залов и комнат.

– Знаешь, Элен, молодой граф весь вечер не сводит с тебя очей, – сказала Зинаида.

– О ком это ты говоришь, Зизи? – кокетливо спросила Елена, явно догадываясь, о ком говорит подруга.

– Я говорю о графе Петре Орлове, с которым ты танцевала. Скажи, Элен, он признался тебе в любви?

– Зизи, как можно?! – воскликнула Елена. – Мы же только познакомились. Правда, мы обменялись парой фраз... Но уверяю тебя, пока ничего серьезного, так пустячок...

– Элен, скажи, что он тебе говорил? – спросила заинтригованная подруга.

– Сказал, что я лучше всех на свете... Что я прекрасна... Что могла бы осчастливить его...

– Ах, вот это... – разочарованно произнесла Зинаида. – Но это известный набор фраз любого кавалера, чтобы обольстить понравившуюся даму.

– Не скажи, Зизи, – поспешила возразить Елена. – Не всякие комплименты воспринимаются как набор дежурных фраз...

– Значит, было еще что-то? Говори... Ну, говори же...

Елена заробела, не зная, стоит ли выдавать подружке все свои секреты. К тому же, здесь на балу было много желающих подслушать чужие разговоры. Потом, осмелившись, произнесла:

– Петр крепко сжимал мою руку во время танца и шептал, что влюблен... безумно влюблен...

– Ах! Как чудесно! – обрадованно произнесла подруга. Потом Зинаида слегка нахмурила свой лоб и произнесла разочарованно:

– А мне сегодня никто не произнес таких волнующих слов...

– Зизи, у тебя еще все будет, поверь мне, – сказала Елена. – Ведь впереди еще столько балов и встреч.

– Но не на каждом балу встретишь принца... А годы у девушек летят быстро, того и гляди, выдадут замуж за старика.

– Не говори так, Зизи. Ты очень красива, ты прекрасная рукодельница, ты из хорошей семьи, у тебя будет достойный претендент.

– Твои слова да Богу в уши. Добрая ты, Элен... – сказала Зинаида и слегка обомлела: – Смотри, граф Орлов идет к нам... Даже не знаю, может мне уйти, чтобы не мешать вам объясниться?

– Что ты, Зизи, не уходи, – попросила Елена подругу, – не уходи, останься. Мне как-то боязно оставаться с ним наедине, к тому же, люди могут потом судачить, что я любезничала на глазах у всех с кавалером.

– Хорошо, я останусь...

Любезно раскланявшись перед дамами, Петр не спеша повел светскую беседу. Он был красноречив, дамы все больше слушали его, иногда вставляя пару фраз. Говорили все больше о политике, погоде, моде и литературе. Петр также поведал барышням, что страстно мечтает уехать в Европу, чтобы повидать мир. Он восхищался просвещенной Европой, ее свободными нравами, наукой и искусством, и хулил все отечественное, говоря, что у нас все не так, все хуже, чем у европейцев. Невзирая на свою симпатию к Петру, Елена заметила, что и у нас в России есть прекрасная литература, развиваются науки и строятся большие заводы и фабрики. Петр лишь слегка улыбнулся и сказал, что Елена слишком умна, и что для жены вредно много знать и читать, иначе из книг можно почерпнуть много ненужных знаний. На это возразила даже Зинаида Локтева, она сказала, что Петр слишком категоричен в своих суждениях о дамах. Петр тут же с замечанием согласился, тут музыканты снова заиграли, антракт кончился, и все пошли в бальную залу...

– Однако она непростительна хороша, – сказал мужчина в годах.

– О ком это вы говорите, Иван Иванович? – оживились мужчины, стоящие рядом.

– Я говорю о молодой княжне Елене Карамышевой.

– Да, завидная невеста, – произнес сенатор Юрский.

– Хороша, ничего не скажешь, – согласился граф Иван Сергеевич Орлов.

– И, кажется, нашла себе пару, – продолжил мужчина в годах, потом иронично заметил: – Иван Сергеевич, ваш пострел везде успел. Гляжу, Петр весь вечер ухаживает за княжной, не замечая других дам.

– Ну что же, дело молодое, – сказал Орлов. – Мы тоже были в молодости повесами, и кадрили любили танцевать, и вальс, а нынче дело стариковское, все больше наблюдать, как танцуют и флиртуют молодые.

– Карамышевы очень знатная фамилия и влиятельная в обществе, – заметил Юрский.

– Была, а сейчас они почти разорены, – сказал директор ассигнационного банка Мятлев.

– Что вы говорите, Владимир Егорович?! – сказал Иван Иванович. – Как нынче переменчива фортуна!

– Как жаль! – с явным разочарованием в голосе произнес граф Орлов. – Княжна Карамышева была бы хорошей партией для моего сына.

– А вы слышали, что Карамышевы сегодня прибыли на бал в экипаже Вяземского? – сказал Иван Иванович.

– Что же произошло?! Ну, говорите, не тяните, Иван Иванович! – собравшиеся заинтригованно смотрели на говорившего.

– Дело в том, что по дороге на бал у них сломалась карета, а мимо проезжал барон Андрей Вяземский, он подвез княгину Карамышеву с дочерью ко дворцу.

– Экий он баловень судьбы, и тут ему подфартило! – высказал свое недовольство сенатор Юрский. – Выскочка и гордец, ненавижу таких людей.

– Нет, позвольте с вами не согласиться! – возразил Иван Иванович. – Вяземский поступил как дворянин, как настоящий мужчина, помог женщинам в беде.

– Это точно, что ж им на морозе что ли ждать, пока слуги соизволят починить карету, – сказал граф Орлов.

– Не знаю, но нечего лезть вперед всех остальных. Может быть нашлись и другие охочие, и немее влиятельные люди, чтобы подвезти Карамышевых, – не унимался Юрский. – А он, видите ли, разъезжает в экипаже с первой красавицей Петербурга.

– А если не нашлось никого рядом, – сказал Мятлев. К тому же, зря вы так об Андрее Вяземском. Он мой приятель, я знаю его неплохо, он человек хороший и на службе отличился. Сам государь его привечает, трудные дела поручает расследовать, не смотря на то, что Андрей еще молод...

– Вот то-то и оно, что молод! – гневно сказал Юрский. – Вяземскому едва исполнилось тридцать лет, как он уже сделал блестящую карьеру, дослужился до чина тайного советника. Царь Александр окружил себя молодыми соратниками, создал Негласный комитет, куда входят Новосильцев, Чарторыжский, Сперанский, Кочубей, Вяземский... А куда прикажите, нам, старикам, деваться?! Наш опыт уже не в счет?! Хорошо еще что Аракчеев при власти держится...

– Что-то расходился сегодня наш сенатор Юрский, – тихо сказал Мятлев стоящему рядом графу Орлову.

– И не говорите, – сказал Орлов, – хотя, честно говоря, я сам Вяземского недолюбиваю. Он карьерист и страшный гордец. Мой сын не хуже, может просто ему пока не повезло... Да и молод он пока еще, ему только исполнилось двадцать три, а как войдет в лета, глядишь, сделает головокружительную карьеру.

– Это точно, – согласился Мятлев. – Ваш Петр весьма смысленный малый.

Глава 3. ВОСТОРГ ЛЮБВИ

Отбоя не было у красавицы Елены от женихов, но более всего она привечала молодого графа Петра Орлова, с которым познакомилась на рождественском балу. Петр был молод и хорош собой. В его манерах было что-то утонченное, возвышенное, что отличало его от других кавалеров. Он был из хорошей семьи, имел хорошую репутацию в свете, вел себя в высшей степени достойно; Петр был хорошей партией для дочери, и мать Елены разрешила молодому графу бывать у них в доме. Петр тяготился ведением домашних дел и управлением имениями, особо не вникая в суть доходов и расходов семьи, добро этим ловко справлялся его родитель Иван Сергеевич. Петр любил бывать в свете, в театрах, на балах, великолепно танцевал мазурку. В литературных салонах он мастерски читал стихи, дамы были от него в восторге, многие молодые девицы мечтали о таком завидном женихе, но Петр мечтал о прекрасной Елене. Декламируя вирш модного поэта, Петр томно поглядывал на Елену. Стихи, конечно же, были о любви! Петр знал, что проникновенные строки о любовных терзаниях героя тронут неискушенное сердце молодой девушки.

Так оно и случилось, Елена была страстно влюблена в графа Орлова. Ночами она мечтала о свиданиях с Петром, юная прелестница мечтала о том, как он поведет ее под венец. «Ох! Большого счастья и не надо». Думала Елена наедине с собой, об этом она говорила со своей матушкой. Но матушка не очень одобряла поспешный выбор дочери. Старая княгиня просила Елену не торопиться со свадьбой, словно предчувствуя что-то худое и не доброе, Елизавета Петровна с опаской ожидала объяснения между молодыми людьми. Дело в том, что семья Карамышевых, невзирая на громкий титул и знатность, была не богата. Они были страшно стеснены в средствах, княгине чудом удавалось поддерживать достойное положение в обществе. Бедной Елизавете Петровне приходилось самой крутиться как белка в колесе, потому что муж ее Павел Никанорович умер пять лет тому назад. Молодая Елена была на выданье, для выхода в свет, на балы, в театры требовалось много расходов. Модные платья, шляпки, украшения стоили недешево, а еще надо было содержать приличный штат прислуги, вести на широкую ногу дом, чтобы, не дай бог, никто не подумал, что Елена бесприданница. На все это, а также на дорогие экипажи, на лошадей требовались немалые деньги. Карамышева была вся в долгах как в шелках, задолжав кредиторам приличную сумму денег. Уже было заложено имение в Покровском.

И вот на Масленицу граф Орлов попросил у княгини руку ее дочери. С замиранием сердца Елена стояла за дверью, слушая разговор Петра с маменькой. До нее донесся обрывок разговора.

– Вы понимаете, дорогой Петр Иванович, что Елена значит для меня? После смерти мужа это самое дорогое, что у меня осталось. Я бы хотела удостовериться в твердости ваших чувств и вашего намерения. Вы знакомы всего два месяца, я не могу так поспешно дать согласие на ваш брак.

– Но мы любим с Еленой друг друга! Уверю вас, мы будем счастливы, я ничем не обижу вашу дочь! – пылко произнес молодой граф.

Слова Петра тронули сердце Елены до глубины души, она зарделась, как маков цвет. Но тут же Елена подумала о том, что маменька уж больно строга с Петром, с ее женихом. Девушка вдруг испугалась, что он раздумает на ней жениться. Одна эта мысль была невыносима для Елены, голова у нее закружилась, она зашаталась, как пьяная. Но тут она услышала, что матушка дала согласие на брак, но с условием, подождать несколько месяцев, чтобы проверить чувство молодых. С тех пор граф Орлов стал часто бывать в доме Карамышевых, он часами просиживал в гостиной, не сводя взора с предмета своего вожделения, Елена была его кумиром, его богиней. Он восторгался ее красотой, ее умом и прочими достоинствами девицы на выданье. Елена просыпалась каждое утро с одной единственной мыслью «приедет ли сегодня

граф Орлов, и увидятся ли они снова». Матушка пеняла ей на то, что она слишком доверилась своим чувствам, что излишняя влюбленность мешает девушке заметить в женихе недостатки, которые потом непременно скажутся в супружеской жизни. «Помилуй Бог, матушка, какие недостатки?! – запальчиво восклицала княжна. – Петр создан из одних достоинств. А главное, он любит меня...» – «Любовь зла... как говорится. На веку всякое может случиться» – говорила с сомнением взрослой и повидавшей жизнь дамы княгиня.

Петр торжествовал победу, хвастаясь, он на хмельной пирушке заявил друзьям, что скоро женится на княжне Елене.

– А Карамышева не дурна, – сказал друг Петра Михаил Шмелев. – Однако тебе везет, мой друг, отхватил такое сокровище.

– Елена – превосходна, нежный утонченный цветок, движения ее полны грации, глаза как у серны, взгляд ее полон нежности и тоски, – согласился с приятелем корнет Григорий Лаврушин.

– Так выпьем же за это друзья! – сказал балагур и весельчак Александр Ветров. – А то удачи не будет!

– Да ну тебя, Александр, – хмуро посмотрел на приятеля Орлов, – еще сглазишь...

– Ну, вот тебе и раз... к чему все эти суеверия, – сказал Ветров.

– Правильно, друзья, к черту суеверия! – сказал Лаврушин. – Пьем за женщин, хорошеньких женщин! Кстати, сегодня в театре премьера, в главной роли задействована приглашенная прима из парижского театра Катрин Роже. Прехорошенькая...

– Тогда айда все в театр! Чего же мы медлим! – воскликнул Ветров.

Граф Петр Орлов замешкался, у него сегодня был назначен визит к Карамышевым.

– Ну, чего же ты медлишь, Пьер?! – сказал Ветров. – Едем же с нами!

– Ну, не знаю... Елена меня сегодня ждет...

– Подождет твоя Елена! – категоричным тоном заявил Ветров. – Женитесь, еще устанете друг от друга.

– Это верно. Супружеская жизнь – сплошная скука, сплошные обязательства и минимум развлечений, – сказал Михаил Шмелев.

– Михаил знает, что говорит, он уж как два года женат, – рассмеялся Ветров.

– Нет, друзья, вы как хотите, а я сроду не женюсь! – выпалил решительно корнет Лаврушин. Все рассмеялись, и вся компания дружно направилась в театр.

Они опоздали к началу, потому войдя в зрительный зал в темноте с шумом рассаживались по своим местам. Недовольные зрители шикали на них и требовали тишины. На сцене блистала прекрасная Катрин. Ее талант и грация пленяли поклонников, особенно мужскую половину зала. Не остался равнодушным к прелестям актрисы и граф Орлов. После спектакля он вместе с друзьями ввалился в грим-уборную Катрин, прима обиделась на такую бестактность и выставила нагледцов за дверь, к тому же, она ожидала визита более важной персоны состоятельного любовника, господина Завадского, который одаривал ее богатыми безделушками и даже купил для нее дом. Уже возвращаясь домой из театра, Петр иронично заметил:

– А прима оказалась с характером...

– Ничего, мы эту крепость одолеем! – важно парировал Григорий Лаврушин.

– А наш корнет сегодня в ударе, – заявил весело Александр Ветров. – Григорий сегодня громче всех кричал «Браво! Бис!» и строил прима глазки.

– Может быть, я влюблен...

– Неужели? – заинтересованно спросил Михаил Шмелев. – А как же твоя пассия Зизи?

– И не говори! – махнул рукой Лаврушин. – Пустая трата времени...

– И быстро ж ты утешился! – рассмеялся Петр Орлов.

– Граф, прошу не касаться этой темы, – обиженно сказал корнет.

– Ну вот, опять конфуз! Друзья, не ссорьтесь, – попросил Шмелев.

– Действительно, зачем портить такой хороший вечер! – сказал благодушно Ветров. – Жизнь полна развлечений, надо пользоваться моментом, пока молодой.

– Экий ты легкомысленный человек! – сказал Петр.

– Пьер, зачем же унывать? Жизнь коротка, и все надо успеть...

– Философ! – улыбнулся Лаврушин.

– Вот, корнет, и туча исчезла с вашего лица... Не надо печалиться.

– Остряк! Надо же, какой остряк! – сказал Шмелев. – Друзья, прекрасен наш союз.

– А не выпить ли нам? – тут же предложил Ветров.

– Идет! – воскликнул Лаврушин. – Здесь неподалеку есть прекрасное заведение, где подают прекрасный нектар...

– А есть ли там прекрасные одалиски, готовые утешить нас? – спросил Петр Орлов.

– Дамы тоже будут... – многозначительно ответил Лаврушин.

– Скорей всего, дамы полусвета, – рассмеялся Александр Ветров.

– Александр, какой же ты пошляк, – сказал Лаврушин.

– А ты прямо монах из кельи, – весело сказал Ветров, он хотел еще что-то добавить, но тут приятели уже подошли к знакомому заведению, и скрылись в парадном.

...Корнет Лаврушин был в печали, дело в том, что он несколько месяцев волочился за Зинаидой Локтевой, она благосклонно принимала его ухаживания. Григорий был хорош собой, галантный кавалер, имел награды за военную службу, они могли бы стать отличной парой, но главным препятствием к браку было отсутствие средств и у жениха, и у невесты. Потому родители Зинаиды прочили ей в женихи банкира Владимира Егоровича Мятлева, человека уважаемого и богатого, старшего ее на двадцать с лишним лет. Не смея перечить воле родителей, Зизи согласилась на брак с Мятлевым, ее грезы на счастливую семейную жизнь с корнетом Лаврушиным были разбиты. Княжна Елена утешала подругу, как могла, они часто виделись и вели переписку. В одном из писем, Зизи написала сранные строки, которые ввели Елену в замешательство. Зинаида Локтева спешила сообщить подруге, что «ее возлюбленный граф Петр Орлов не очень верен ей. Недавно его видели в обществе с баронессой Шарлоттой Штусс.» Прочитав эти строки, княжна обомлела. «Как это может быть, неужели Петр не верен мне? – подумала она. – А как же обещанья и признания в вечной любви?!»

Но вечером у них в гостиной появился граф Орлов, он вел себя непринужденно, как ни в чем не бывало, и все сомненья на его счет были развеяны, ведь Елена была нешуточно влюблена в молодого человека. Через несколько дней заболела и слегла матушка Елизавета Петровна, у нее случился сердечный приступ. Расстроенная Елена озабоченно хлопотала возле родительницы, граф Орлов поддерживал княжну в ее горе. Врачи говорили, что положение серьезное, с сердцем шутки плохи, Елена почти не отходила от постели матери. Петр приезжал каждый вечер, чтобы поддержать и утешить Елену. Вечерами они подолгу беседовали в гостиной, когда в доме все уже спали и был полумрак. Молодые люди говорили о многом, о будущей совместной жизни, о любви, о литературе, музыке, театре. Петр был опорой для княжны в эту трудную минуту, когда опасения и страх за жизнь матери сковали ее разум и волю. Жених Петр был для нее надеждой и защитником, Елена доверилась ему.

В один из зимних вечеров, когда за окном воет вьюга, а в камине весело трещит огонь, они сидели в гостиной и тихо разговаривали ни о чем, просто радуясь присутствию друг друга. Был выпит чай и обсуждены все темы, уже старый слуга Митрофан, служащий в доме Карамышевых дворецким много лет, громко кашлянул, проходя мимо двери, а молодые люди все не расходились, прильнув к друг другу, взявшись за руки, они с трепетом и нежностью смотрели друг на друга. И когда Митрофан нарочно громко что-то уронил на пол за дверь, Елена словно бы оторинулась от сладостного сна, взглянув в вечернее окно, она сказала, вставая с кресла и направляясь к двери:

– Ах, уже поздно! Петр, тебе пора домой, мне нужно идти к маменьке... проверить... не нужно ли ей чего...

Петр взял за руку княжну и с нежностью посмотрел в ее глаза. Сердце Елены замерло в эту минуту, взгляд его глаз был таким трепетным, таким нежным.

– Не уходи, Елена, побудь со мной еще, – попросил Петр.

Елена несколько заколебалась, она повернулась на его слова и замерла на месте, не зная, как поступить. Петр умолял Елену не уходить, на ум пришли слова из известного романа, тихо он произнес магические строчки: «Не уходи, побудь со мною. Пылает страсть в моей груди. Восторг любви нас ждет с тобою... Не уходи, не уходи!»

Вскоро княгиня Елизавета Петровна поправилась, Елена воспрянула духом, она очень была рада выздоровлению матери. Как-то они обедали в столовой, и мать задала дочери вопрос:

– Леночка, что же граф Петр Орлов стал у нас редко бывать? Али заболел?

– Не знаю, маменька... Сказывали, будто ему не здоровится...

– Слабая сейчас молодежь пошла. Помнится, мы в ваши годы были намного крепче...

И вот ты у меня, доченька, тоже что-то очень бледная. Ты не здорова?

– Нет, все нормально, маменька. Просто вчера читала допоздна, потом плохо спала ночью...

– Нынешняя молодежь все книжки читает, больно грамотные все стали, а книги, между прочим умному не научат.

– Как же без книг прожить? – изумилась дочь.

– Я говорю не про все книги, а так... про те, что вред несут в себе. Сейчас много вольтерьянских дум во многих головах роится, некоторые симпатизируют даже французской революции... А что в ней хорошего, столько людей перебито... знатные и уважаемые люди погибли ни за что, чтобы на трон взобрался незнатный выскочка Бонапарт, поправивший все законы престолонаследия. И еще пошел войной на Европу, житья совсем от него не стало...

– Маменька, я читала простой роман.

– Французский, поди...

– Да.

– Все о любви грезишь, дочка? А любовь для жизни и не обязательна, – продолжала нравоучения старая княгиня.

– Маменька, как же без любви-то?!

– А вот так, доченька! Мы прожили с твоим отцом двадцать лет почитай, и прожили душа в душу. А перед свадьбой едва были знакомы, только один раз виделись на балу.

– Папенька, наверное, был хорош, и ты сразу в него влюбилась?

– Да нет, нельзя сказать, что я сильно влюблена была в него, просто родители сосватали нас, вот и поженились. Такой порядок, не нам его нарушать. Главное, чтобы муж был порядочный и состоятельный, к жене хорошо относился.

– Ну, так было в старину... – возразила Лена. – Сейчас времена другие, и без любви не стоит выходить замуж...

– Много ты понимаешь! – упрекнула княгиня дочь и решительно встала из-за стола.

После обеда Елена вышла в зимний сад почитать, но ей не читалось, не до романов ей было сейчас. Прошло уже две недели, а Петр так и не появился у них дома. Княжна не знала, что думать, как воспринимать временное охлаждение Петра к ней. А тут еще намеренно заехала к ним в гости подруга Зизи и сказала, что «в свете поговаривают, будто бы Петр женится на баронессе Шарлотте Штусс. Она не красавица и не очень знатна, но очень богатая наследница... Отец Петра вложил деньги в какое-то предприятие, но прогорел, они на грани разорения, он-то и подыскал сыну богатую невесту... Хотя ты не отчаивайся, Элен, может быть, это всего лишь слухи. Люди любят разносить всякие сплетни и нести всякий вздор. Скучно им без этого живется». Мрачные мысли тревожили прекрасную головку Елены, она не знала, что

думать, как поступить, сказать ли обо всем матери, отважиться ли и самой написать письмо Петру, и спросить обо всем, или еще подождать. Неизвестность пугала ее.

То ли от переживаний, то ли от того, что по ночам она стала плохо спать, Елена на прогулке, когда они с матерью вдвоем ехали в экипаже по городу, потеряла сознание. Спешно возвратившись домой, Елизавета Петровна тут же послала за доктором. Выйдя от больной, врач сообщил княгине страшную новость «Елена беременна». Княгиня чуть не грохнулась на пол от такого известия, но взяв себя в руки, она протянула лекарю деньги за визит, приложив к этому еще старинную бриллиантовую брошь со словами: «Умоляю вас, не говорите никому не слова! Это, наверное, какая-то ошибка...» Доктор понимающе кивнул головой и покинул дом.

Княгиня зашла в спальню дочери и грозно глянула на Елену, она полна была решимости отчитать ее, высказать все, что она думает, сказать обидные слова, может быть даже дать пощечину... Но глянув на бледное несчастное лицо Елены, княжна заплакала. Она погладила рукой ее спутавшиеся на подушке золотые локоны и тихо произнесла:

– Елена, как ты могла... зачем же ты отдалась Петру до свадьбы? Говорят, он женится на другой...

Елена посмотрела на мать глазами затравленного зверя и сквозь слезы произнесла:

– Я знаю, маменька, знаю... Он обманул меня...

– Какой же он подлец! – в сердцах произнесла княгиня. – Он воспользовался моей болезнью, твоей неопытностью... это подло... он мне никогда не нравился. Елена, это ты виновата, что разрешила ему ухаживать за собой! – стала упрекать княгиня дочь.

– Маменька, может Петру все рассказать, что я жду ребенка от него, тогда он женится на мне?

– Какая же ты глупая, дочь, ты же дворянка, а не купеческая дочка и не крестьянка, чтобы силой требовать от него, чтобы он женился на тебе. Тогда твоя честь окончательно будет погублена, тогда огласки не избежать. Ах, если бы жив был твой отец, он обязательно что-нибудь придумал, он спас бы твою честь...

– Маменька, я так его любила... а он... Петр предал меня... – заплакала навзрыд Елена. Княгиня склонилась над дочерью и зарыдала вместе с ней.

Глава 4. ЖИЗНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

На следующий день княгиня увезла неразумную дочь в свое имение Турово. Здесь в глуши, вдали от столичных сплетников и любопытных глаз Елизавета Петровна решила спрятать дочь от греха подальше, пока дочь не разрешится от бремени, а дальше поступать так, как Бог укажет. С собой княгиня взяла только проверенного слугу Митрофана и горничную дочери Дуняшу. Понимая, что их поспешное бегство из столицы вызовет немало толков и пересудов, Елизавета Петровна написала письмо своей подруге графине Бельской, в котором сообщала, что «они вынуждены были покинуть Петербург, так как дочь сильно заболела. Врачи обнаружили у нее бронхит и посоветовали сменить климат, так как в Петербурге сырость и выпадают частые осадки. Они будут в Турово, пока дочь не поправится, а затем она отвезет дочь на воды в Европу.»

Графиня Бельская не только не поверила тому, что написала ей приятельница в письме, но, имея скверную привычку всех обсуждать, тут же принялась строить догадки на счет отъезда Карамышевых. Она была уверена, что тут кроется какая-то тайна, обо все этом она поделилась со своими знакомыми в одном из столичных салонов. По городу поползли зловещие слухи, имя княжны Елены Карамышевой было оклеветано, о ней судачили в гостиных, салонах, на балах и в театрах. Тут в защиту Елены встала ее крестная мать княгиня Голицына, она сказала, что, действительно, Елена больна, и врачи ей посоветовали покинуть город. Анна Юрьевна Голицына была женщиной с характером, очень знатная и богатая, она имела большой вес в обществе, к ее мнению прислушивались, ее уважали, ее побаивались, с ней считались даже особы царской семьи. Княгиня держала двери своего дома открытыми, у нее проводились одни из лучших в Петербурге балы, маскарады и концерты. Литературный салон Голицыной считался лучшим в северной столице, она выступала меценатом и поддерживала молодые таланты, художников, музыкантов и литераторов. С мнением такой важной персоны спорить было трудно, и графиня Бельская перестала строить свои догадки, вскорости слухи об юной княжне прекратились.

Баронесса Штусс стала часто появляться в свете, выгодное замужество на графе Орлове повысило ее статус в обществе, теперь она была графиня Шарлотта Штусс. От успеха у нее закружилась голова. Еще недавно, лет эдак пять тому назад, их семья относилась к купеческому сословию, но огромное состояние отца, сколоченное на выгодной торговле тканями, позволило купить баронский титул, а заодно и пробить лазейку в высший свет. Графиня Штусс часто появлялась на балах и в театрах. Не отличаясь особой красотой, она любила надевать вычурные наряды, предпочитая платья канареечных расцветок и восточный тюрбан. Туалет завершали дорогие побрякушки, которые не каждая дворянка могла себе позволить. Шарлотта устраивала у себя в доме концерты, приглашала выступать знаменитых артистов, были среди них и иностранцы. Она открыла салон и страшно этим гордилась, стала зазывать к себе многих знатных и уважаемых дворян, были те, кто заходил и любопытства ради. Среди таких была и Зизи. Она потом написала письмо в Турово. «Была сегодня в салоне у Шарлотты Штусс, – писала Зизи в письме Карамышевым, – она особа очень эксцентричная и взбалмошная. Любит одеваться очень ярко, но безвкусно, не отличается особо и манерами, по-французски говорит скверно, ужасно коверкая слова, но многие ее жалуют, в основном, из-за денег ее отца, который для нее ничего не жалеет. Они даже конный завод купили, хотя Шарлотта верхом ездить не умеет. Для дочери ее папаша сейчас скупает по всему городу картины известных мастеров, потому что Шарлотте вдруг вздумалось открыть у себя картинную галерею... И еще – в свете ее прозвали разлучницей баронессой Штусс, а еще многие надсмехаются над Шарлоттой из-за ее вульгарных манер и зовут ее мещанкой во дворянстве... Впрочем, сейчас таких выскочек много развелось...»

Граф Петр Орлов женившись на богатой, но не любимой женщине, сразу же после свадьбы пустился во все тяжкие. Он с усердием тратил деньги, доставшиеся ему без труда. Сорил деньгами налево и направо. Он заказывал пышные банкеты в ресторанах, поил друзей шампанским, волочился за хорошенькими актрисами и танцовщицами, устраивал хмельные пирушки, играл на скачках, полюбил играть в карты и стал завсегдатаем публичных домов.

Пригласив своих друзей в английский клуб, Петр достал из кармана сюртука портмоне, набитый ассигнациями и сказал:

– Друзья, заказывайте все, что пожелаете! За все плачу я! Гуляем!

– Вот это я понимаю! – восхищенно воскликнул Александр Ветров, любитель выпить и закусить за чужой счет. – Вот это щедрость.

Михаил Шмелев как-то скептически смотрел на этот праздник жизни. Петр потрепал его по плечу: «Чего не весел, брат?», потом крикнул: «Эй, официант, принеси шампанского сюда побольше! Всех угощаю!»

– Что это ты, Пьер, так сегодня расхотелся? – спросил Лаврушин.

– Так, Григорий, праздник у меня!

– Какой же?

– А-а, гуляю... Хорошее настроение! Жизнь удалась!

– Красиво жить не запретишь, – заметил Шмелев.

– Друг, Мишка, ну что ты сегодня невеселый такой, – толкнул приятеля в бок Петр. – Давай выпьем!

Шампанское лилось рекой, без конца произносились тосты, стол ломился от закусок, Петр кутил на всю катушку, зазвал к себе за столик еще знакомых. В их компанию затесался и уланский капитан, и провинциал Федор Ларионов, который прибыл в Петербург по делам и вкушал прелести столичной жизни. Ларионов вдруг растрогался до глубины души и произнес:

– Эх, братцы, вы такие счастливые! Живете в столице, где жизнь бурлит, а у нас в провинции такая скукота, ни тебе ипподрома, ни клубов нет. А вечером, вообще, жизнь замирает.

– А у нас, брат, вечером жизнь только начинается, – сказал Ветров. – Так ты провинциал значит, то-то я смотрю, сюртук у тебя не по моде сшит, и галстук завязан как-то небрежно...

– Неужто это так важно? – изумился Ларионов.

– Э, брат, галстук такая важная штука. По ней, может быть, судят в целом о тебе самом.

– Ну, это ты загнул, Александр, – сказал Лаврушин.

– Нет, Григорий, подожди, – не унимался Ветров. – Ты что будешь отрицать, что внешний вид ничего не значит?

– Нет! Этого отрицать я не буду...

– Ну, так вот...

– Друзья, бросайте этот спор! – сказал Орлов. – Давайте лучше выпьем за дам!

– Отличный тост!!! – все поддержали. Ветров выпил шампанское и бросил бокал на пол. Все последовали его примеру. Тут к их столу подбежал взволнованный официант: «Господа, не надо бить посуду!»

– Спокойно, – возразил Орлов, – я плачу! Тащите новые бокалы... и шампанского... побольше.

– Пьер, ты мот и транжира, но я тебя уважаю, – сказал Ветров и поцеловал друга в макушку.

– Сашка, друг ты мой любезный, – растрогался Орлов, – один ты меня понимаешь.

– Э, нет... – тут возразил Лаврушин, – Пьер, я к тебе тоже очень хорошо отношусь. Мы ж друзья, верно?

– Верно!

– Вот скажи, Орлов, ты счастлив, что женился? – спросил Лаврушин. – Ведь ты был, кажется, влюблен в княжну Елену?

– Корнет, что за бестактные вопросы? – заметил Ветров.

– Спокойно, я отвечу, – сказал Орлов. – Я счастлив!

– Вот это молодец! Вот это я понимаю! – воскликнул Ветров. – Можешь ведь красиво сказать...

– Я счастлив, хотя, наверное, где-то в глубине души я сожалею, что расстался с Еленой...

– Друзья, о ком вы говорите? – поинтересовался уланский капитан.

– О княжне Елене Карамышевой...

– Постойте, я знаю, о ком вы говорите, – сказал улан, – я же танцевал с ней на балу. Она прекрасна, а как танцует!..

– О да, княжна Елена красавица, каких трудно сыскать, – сказал Орлов.

– Прекрасный благоухающий цветок... – восторженно произнес уланский капитан.

– Сей цветок безжалостно растоптан, – тихо прошептал Михаил Шмелев.

– Мишель, что ты шепчешь там себе под нос? – спросил Ветров. – Да ты пьян, братец.

– Может быть...

– Оставь его, Ветров... не мешай ему предаваться меланхолии, сказал Лаврушин. – Орлов, скажи-ка, так ты вкусил запретный плод с этого райского дерева?

– Осада была трудной, но крепость пала... – многозначительно сказал Орлов. На его лице играла слащавая улыбка.

– А ты фрукт, как я погляжу, – сказал Лаврушин. – Ты не так прост, как кажешься вначале. В тебе бесы скачут еще те! Глядишь, ты станешь ловеласом еще тем, мужья станут прятать своих жен от тебя за высоким забором.

– Спокойно, Лаврушин, не надо завидовать приятелю, если ему улыбнулась удача, – встрял в разговор Ветров. – Братцы, давайте еще выпьем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.